

Ван Чжэнь, словно услышав мысленные возмущения Тан Шэня, тихо усмехнулся:

— Неужели в глазах младшего брата-соученика я выгляжу человеком, которым можно крутить как угодно, раздавая обещания и догадки наобум?

Тан Шэнь беспомощно спросил:

— И какого же заклада хочет старший брат?

На этот раз задумался сам Ван Чжэнь:

— Давай пока оставим этот заклад у тебя. — Ван Чжэнь на мгновение замолчал и предположил: — Ты нес эту вещь всю дорогу и отдал управляющему только перед тем, как мы сели за стол. Должно быть, это ценный предмет, требующий бережного обращения.

Услышав это, управляющий стал относиться к деревянной шкатулке с еще большей осторожностью.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Вчера, когда ты приходил в резиденцию министра, ты ничего о ней не говорил. Получил её только сегодня?

Изначально Тан Шэнь обронил слова не подумав, но теперь ему стало любопытно, сумеет ли Ван Цзыфэн угадать. Заинтересовавшись, он отложил палочки и подхватил игру:

— Верно, я получил её только сегодня.

Внезапно Ван Чжэнь спросил:

— А то, что внутри, ты мне случайно не задолжал?

Тан Шэнь обомлел. Поразмыслив немного, он ответил:

— Пожалуй, можно сказать и так. Но в то же время и не совсем.

Ван Чжэнь облегченно выдохнул:

— Когда-то младший брат нарисовал для меня картину, но тогда ты сказал, что вышло не слишком удачно, и пообещал при случае написать новую.

Тан Шэнь был поражен.

Ван Чжэнь приподнял палочки для еды и указал на деревянную шкатулку. У обычного человека этот жест мог бы показаться развязным, но у него он выходил невероятно изящным и исполненным глубокого смысла. Слегка улыбнувшись, Ван Чжэнь спросил:

— Неужели в этой шкатулке лежат принадлежности для рисования?

Тан Шэнь онемел от изумления и выпалил:

— Старший брат, ты что, небожитель?!

Ван Чжэнь решил сохранить интригу:

— До небожителя мне далеко, однако в лавку «Гуаньчжичжай» я заглядываю часто. Как говорится, «кисти, тушь, бумага и тушечница — загляденье да и только». Принадлежности для живописи из «Гуаньчжичжай» славятся на весь Шэнцзин. Младший брат специально отправился туда за покупкой, чтобы написать мой портрет... Я глубоко тронут, мои чувства не передать словами. — Ван Цзыфэн искренне вздохнул: — Младший брат так добр ко мне!

Тан Шэнь: «...»

Тан Шэнь лишился дара речи. Он поднялся, подошел к шкатулке и присмотрелся. Действительно, на самом краю коробки были вырезаны три иероглифа: «Гуаньчжичжай» — настолько мелкие, что без тщательного осмотра их не разглядеть. Ну хорош Ван Цзыфэн! С самого начала знал, откуда эта шкатулка, и все равно втянул его в этот спор?!

Этому человеку, Ван Цзыфэну, нельзя верить ни единому слову!

Окончив трапезу, братья-соученики отправились с деревянной шкатулкой в кабинет Ван Чжэня. Ван Чжэнь с искренней досадой заметил:

— Если младший брат хотел написать мой портрет, со стороны было бы разумнее выбрать дневное время. В этой ночной тьме, при колебании свечей, разве можно что-то разглядеть?

Тан Шэнь намеренно ехидно откликнулся:

— Не извольте беспокоиться, старший брат. Ваша пленительная красота уже давно отпечаталась у меня в сердце.

Услышав слова «пленительная красота», Ван Чжэнь слегка дернул бровью. Он безмолвно улыбнулся, затем сложил веер и прижал его к губам, скрывая улыбку.

И вот вскоре Ван Чжэнь, облаченный в белоснежные одежды, прислонился к окну, а Тан Шэнь, время от времени поднимая и опуская взгляд, принялся делать наброски.

Стоял конец восьмого месяца. Прохладный вечерний ветерок шевелил длинные волосы Ван Чжэня. Лунный свет мягко струился вниз, а сад наполнился густым благоуханием цветов. Подняв глаза, Тан Шэнь увидел, как Ван Чжэнь, чуть опустив взгляд, тихо ему улыбается. Тан Шэнь на мгновение замер. В голове промелькнула мысль: «А ведь это и вправду пленительная красота...» Однако в этот раз Тан Шэнь пришел в резиденцию министра с тайным умыслом, и за живопись взялся вовсе не ради романтического времяпрепровождения, так что предаваться подобным думам ему было некогда.

На полпути Тан Шэнь как бы между прочим заметил:

— Мы с тобой знакомы уже пять лет. Когда я только встретил старшего брата, ты уже занимал пост министра финансов. В те времена тебе было всего двадцать четыре года, а ты уже дослужился до второго ранга. Полагаю, до нашей встречи твой путь на государственной службе дался тебе совсем нелегко.

Ван Чжэнь про себя подумал: «Вообще-то, мне было довольно легко».

Однако раз Тан Шэнь завел об этом речь, он подыграл:

— И в чем же заключались эти трудности, понимает ли младший брат?

— В семнадцать лет старший брат занял первое место на императорских экзаменах и сразу получил должность историографа пятого ранга. Спустя два года отправился в управу Цзиньлин, где стал оборонительным комиссаром, а когда вернулся в Шэнцзин, тебе исполнился двадцать один год. Затем ты вошел во Дворец Циньчжэн, став советником Туньи и одновременно левым заместителем министра Приказа наказаний, разом поднявшись до третьего ранга. В двадцать три года последовало новое повышение — на должность министра финансов. — Тан Шэнь вздохнул, не прекращая рисовать: — Мне далеко до тебя. Я часто размышляю о том, каков был старший брат в бытность левым заместителем министра Приказа наказаний. Приказ наказаний, как и Судебный приказ, занимается расследованием преступлений и поимкой преступников. Был ли тогдашний старший брат таким же, как сейчас?

Слушая Тан Шэня, Ван Чжэнь медленно прищурился.

Тан Шэнь говорил так, словно рассуждал исключительно о чиновничьей карьере Ван Чжэня без всякого скрытого подтекста. Ван Чжэнь лишь слегка обмахивался бумажным веером и хранил молчание, пристально глядя на Тан Шэня. Так и не дождавшись ответа от Ван Цзыфэна, Тан Шэнь изо всех сил сохранял внешнее спокойствие, хотя в душе его давно бушевали бури. Он поднял взгляд, желая посмотреть, чем занят старший брат, но, столкнувшись с его темным, глубоким взором, поперхнулся воздухом.

— ...Старший брат?

Тан Шэнь отложил кисть и посмотрел на Ван Чжэня.

Ван Чжэнь стоял у окна и тепло одарил его улыбкой:

— Никогда бы не подумал, что сегодня младший брат взялся за кисть не от всего сердца. — Он улыбался, но в его голосе прозвучали горькое разочарование и самоирония.

В груди Тан Шэня внезапно вспыхнула паника. Он поспешно выговорил:

— Старший брат, не пойми меня неправильно, я рисую тебя от всей души! Смотри, я специально долго учился и только сегодня осмелился сдержать обещание и написать твой портрет. — С этими словами Тан Шэнь поднял рисунок, желая показать его Ван Чжэню.

Однако в следующий миг, не успев толком поднять лист, Ван Чжэнь тихо и глубоко вздохнул. Его голос прозвучал мягко и благородно:

— Зачем ты подослал людей в управу Цзиньлин?

Тан Шэнь замер. Он поднял голову и посмотрел на Ван Чжэня.

Спустя долгое молчание он отложил картину и спросил напрямую:

— В таком случае я тоже спрошу прямо. Старший брат... знает Цюй Сяо?

Ван Чжэнь:

— Не знаю.

Тан Шэнь мгновенно перевел дух, но в следующее мгновение Ван Чжэнь легкомысленно усмехнулся:

— Зачем мне его знать?

Тан Шэнь ошеломленно раскрыл глаза.

Глядя на его перепуганное и обеспокоенное лицо, Ван Чжэнь хотел было пошутить еще, но в конце концов сердце его не выдержало. Оно сжалось от острой боли и тяжести. Он прекрасно понимал, что стоящий перед ним человек всё так же скрывает от него правду, всё так же не желает открывать душу, обманывает, утаивает и не смеет довериться полностью. И даже чтобы задать один-единственный вопрос, ему приходится прибегать к таким уловкам и тонким намекам.

И все же он не мог заставить себя поступить с ним жестоко.

Не мог, а потому сердце болело; не мог, а потому ему оставалось лишь обратить острое лезвие против самого себя.

Ван Цзыфэн издал тихий вздох. Он закрыл окно и направился к Тан Шэню. Тан Шэнь застыл как истукан, не ведая, как реагировать и что сказать. Раздался легкий щелчок — Ван Чжэнь сложил веер. Изящным движением руки он уперся кончиком веера в стену, а другой рукой бережно накрыл ладонь Тан Шэня, в которой тот сжимал кисть. Повольно, с неоспоримой властью он накренился вперед, зажав Тан Шэня в углу.

Его голос по-прежнему звучал нежно и завлекающе, подобно прохладному бризу и лунному свету:

— Так скажи мне, младший брат... Зачем ты отправил людей в Цзиньлин?

После долгого молчания Тан Шэнь, оцепенев всем телом, проговорил:

— На самом деле ничего особенного. В прошлом месяце Цюй Сяо, фэйцивэй из управы Цзиньлин, пришел ко мне в Шэнцзине с просьбой о небольшой услуге. Я не знал, что именно произошло, поэтому и подослал людей в Цзиньлин, чтобы всё разузнать.

Ван Чжэнь ненадолго умолк, затем спросил:

— Почему он обратился именно к тебе?

Тан Шэнь:

— Нас с Цюй Сяо кое-что связывает.

— Что именно?

Тан Шэнь разомкнул губы. Он изо всех сил пытался найти оправдание, но любые слова казались бессильными.

После долгой паузы Тан Шэнь неожиданно спросил:

— А как старший брат узнал о том, что я отправил людей в Цзиньлин? — Он сменил тему, обратив острие разговора на Ван Чжэня.

Услышав этот вопрос, Ван Чжэнь посмотрел на Тан Шэня странным взглядом. Возможно, даже сам Тан Шэнь не замечал: три года назад он ни за что не осмелился бы говорить с Ван Цзыфэном в подобном тоне. Но теперь он высказался с полной уверенностью в своей правоте,

совершенно не чувствуя за собой вины.

Ван Чжэнь пояснил:

— Мой слуга ездил по делам в Цзиньлин и случайно встретил на улице Яо Саня.

Тан Шэнь и помыслить не мог, что причина окажется столь банальной. А ведь он думал...

— Ты решил, будто я намеренно слежу за тобой?

Тан Шэнь резко вскинул голову с выражением глубокого изумления на лице.

На удивление, Ван Чжэнь не рассердился. Казалось, вспышка гнева уже утихла в нем сама по себе, и он лишь тихо усмехнулся.

<http://bllate.org/book/18292/1757432>